

ББК 26.89
Б90

Серия основана в 2003 году

Будаев Д. И., Левитин М. Н.
Б90 Неизвестное об известных. – Смоленск: Маджента, 2003. – 384 с. – (серия «Свидетельствуют документы»)

ISBN 5-98156-003-7

Любой город или деревня, любое промышленное предприятие или учебное заведение имеет свою историю, которой можно и должно гордиться. В настоящей книге собраны очерки об отдельных интересных эпизодах истории местного края: о пребывании на Смоленщине полководцев А. В. Суворова и М. И. Кутузова, писателя-демократа Н. В. Шелгунова, основоположника белорусской литературы Янки Купалы (И. Д. Луцевича), о сельскохозяйственных опытах А. Н. Энгельгардта, Д. А. Путяты и С. С. Иванова, освобождении крестьян в имениях декабриста И. Д. Якушкина и композитора А. С. Даргомыжского. Книга содержит новые материалы к биографиям поэтов М. В. Исаковского и А. Т. Твардовского, прозаиков М. М. Пришвина, О. Д. Форш и многих других.

Рассчитана на всех интересующихся историей родных мест.

ББК 26.89

ISBN 5-98156-003-7

© Будаев Д. И., 2003
© Левитин М. Н., 2003
© Издательство «Маджента», 2003

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	6
Об этой книге	8
Раздел I	
Малоизвестные страницы минувшего	9
А. В. Суворов в Смоленске. Д. И. Будаев	11
М. И. Кутузов в Ельне. Д. И. Будаев	17
Был ли М. И. Кутузов князем Смоленским?	
Д. И. Будаев	25
По воле императора, по плану Аракчеева.	
Д. И. Будаев	30
Новоспасское в жизни М. И. Глинки.	
Д. И. Будаев	34
Памятник великому композитору. Д. И. Будаев	44
«Жизнь за царя» или «Иван Сусанин»?	
Д. И. Будаев	50
Из истории Смоленского театра. Д. И. Будаев	53
Поэт, драматург и переводчик в роли губернатора.	
Д. И. Будаев, М. Н. Левитин	66
А. С. Пушкин пишет в Смоленск. М. Н. Левитин	72
Первые выставки в Смоленске. Д. И. Будаев	78
«Родной дом» В. К. Кюхельбекера. Д. И. Будаев	89
Сын декабриста Е. И. Якушкин. Д. И. Будаев	96
Страницы из биографии А. С. Даргомыжского	
Д. И. Будаев	104
Смоленские материалы на страницах «Колокола».	
Д. И. Будаев	110
Всероссийская известность небольшой деревни.	
Д. И. Будаев	118
А. Н. Энгельгардт и В. И. Вернадский.	
М. Н. Левитин	129
Из истории села Бессоново. Д. И. Будаев	135
Чьим именем названа станция Серго-Ивановская.	
Д. И. Будаев	142
Владения Мальцовых в Смоленской губернии.	
Д. И. Будаев	145
Село Студенец – родина П. Н. Лепешинского.	
Д. И. Будаев	151
Чем знаменито сельцо Аносово. Д. И. Будаев	156
Одна из знаменитых женщин дореволюционной России.	
Д. И. Будаев	164
Школа имени поэта Плещеева. Д. И. Будаев	173

ПОД КЛИЧКОЙ «СТРОЙНЫЙ»

При имени Соколова-Микитова сразу же встают в памяти глухие дорогобужские леса и одно из заповедных мест среди них с экзотически названной предками рекой Невестницей, где писатель жил долгие годы. Там создал он многие свои проникновенные произведения, настоящие на чистом деревенском воздухе с манящим запахом медового сена тогда еще тихих и глухих мест смоленской глубинки. Повести, рассказы, сказки, воспоминания, отдельные зарисовки, наброски в записных книжках, письма — все это сложная и сполна насыщенная полнокровной пестротой нашей беспокойного века биография Соколова-Микитова.

Отсюда он еще мальчиком ушел в незнакомый суровый мир, постоянно преодолевая немалые трудности, встречавшиеся на пути этой длинной и прекрасной жизни. В книгах писателя нет выдуманных героев. Так или иначе там сполна он сам или часть его, одного из лучших сыновей народа, типичного представителя малой и вместе с тем большой Родины, которую можно любить только открытым сердцем. Вот почему без всякой рисовки, с присущей ему прямотой, Соколов-Микитов, вспоминая один из тяжелейших периодов в истории нашей страны, нисколько не погрешив, гордо мог сказать: «Я сам был Россия, человеком с печальной, нерадостной судьбою...»

Это откровение написано в «Свидании с детством», одной из жемчужин в драгоценном ожерелье воспоминаний о Смоленщине. Там наш край, родные места писателя, люди, которых он знал, представлены ярко, густо, осозаемо в неповторимых образах, воссозданных правдивым и точным пером.

Но только некоторые отрывки в золотом свитке воспоминаний связаны с первым расставанием, когда пришлось ехать на учебу в губернский город. Их, в том числе и о жизни в Смоленске, очень мало. При всем

И. С. Соколов-Микитов

мастерстве лаконичности Соколова-Микитова этот довольно продолжительный отрезок биографии от момента поступления в Смоленское Александровское реальное училище и до исключения из него представлен скромно, иногда бегло. Правда, и там тоже есть отдельные хорошо запоминающиеся зарисовки, которые сегодня, когда обнаружены новые сведения, можно расширить, представив наиболее полно и точно.

Давайте теперь поедем вслед за писателем. Отыщем необходимые строки, припомним их, чтобы наполнить светом и теплом его души сухой текст архивного документа.

До Смоленска Иван Соколов, если не считать Дорогобужа, раза два или три побывал в большом городе и запомнил его надолго. Но те поездки в Москву с любимым отцом носили совсем иной характер. И впечатления от них впитывались радостные, еще не замутненные вдруг определившимся одиночеством деревенского мальчика среди непонятных вначале городских сверстников и чужих взрослых людей.

В «Свидании с детством» писатель, обращаясь к другу, рассказывает о своем посещении Смоленска через много лет, после отгремевшей войны, умудренным временем человеком, там есть такие строки: «Сложное чувство испытываю я, мой милый друг, бродя теперь по родному городу, в котором проходила наша юность, а в сердцах наших первая зацвела любовь». И далее идет точное описание дореволюционного города и первого детского переживания по приезде в Смоленск в 1903 году.

«Вот тут, по этой самой улице (очевидно, Кадетской, а ныне Коммунистической — М. Л.), вела меня за руку мать. Как была я не похож на городских бойких детей, нас окружавших. Все казалось мне чуждым: и устланная булыжником твердая улица, и звонкие голоса детей, и цокот подков извозчичьей лошади, которая тащила нас в гору с вокзала. Все необыкновенно было здесь в городе. Страшными показались длинные коридоры училища, по которым с криком носились ребята, и чугунная лестница, и швейцар в фуражке с синим околышем и синим высоким воротником. Недобрыми казались бородатые учителя в мундирах с золотыми пуговицами и золотыми плетеными погончиками на плечах.

Здесь на лестнице я увидел мальчика, наряженного в черкеску, с игрушечным кинжалом на пояске. С каким пренебрежением поглядел он на меня, на ситцевую мою косоворотку, спущенную руками матери. Сколько раз страдал я от такого городского пренебрежения

к моей деревенской робости. Да и застенчив я был тогда до болезненности. Как понравился мне этот нарядный мальчик, его театральный костюм, как хотелось подружиться с ним.

Разлука с матерью была первым в жизни и тяжелым испытанием. Смутно я чувствовал, что впервые круто ломается моя жизнь. Чуждый, шумный, недобрый, окружал меня новый мир. Выпавшим из гнезда птенцом чувствовал я себя в этом чуждом городском мире.

Мать перекрестила меня, порывисто прижала к своей груди. И какими горькими слезами плакал я, прижимаясь к ее милым рукам, к ее праздничному платью, в котором приехала она в город. Видно, и ей нелегко было прощаться со мною...

Этот длинный отрывок приведен не случайно. Здесь весь Соколов-Микитов: бесхитростный и откровенный. Без этих воспоминаний нельзя полностью понять и представить годы пребывания его в стенах реального училища, жизни подростка в Смоленске, основываясь только на архивных документах.

Говоря далее о своих чувствах, в тех же воспоминаниях писатель констатирует: «С отъездом матери началась моя новая жизнь, не похожая на прежнюю – деревенскую, лесную».

Иван Сергеевич не раз возвращался в мыслях к годам своей жизни в Смоленске. Необходимо поэтому привести еще один отрывок, дополняющий сказанное в первом. Это из «Воспоминаний». «Уже в десять лет впервые круто сломилась моя жизнь. Из поэтических охотничьих приволов (отец в то время служил управляющим лесными имениями богатого калужского купца Козлова, тоже охотника страстного, но грубого самодура), от дупелиных и тетеревиных редкостных токов, на которые меня водил отец, от лесной привычной тишины и домашнего спокойного уюта меня перевезли в город – в украшенный древними годуновскими стенами Смоленск. Меня поразил непривычный городской шум, городское движение, неведомые мне городские люди. Ученье в реальном училище с первых же лет показалось каторгой».

Не будем строгими судьями. Попробуем высказать следующее предположение: не будь в жизни Соколова-Микитова Смоленского реального училища, вряд ли состоялся в дальнейшем большой писатель, наделенный от природы таким богатым даром. Сколько самородков погибло, не сумев раскрыть своего таланта в глухой смоленской глубинке! Или, чуть став на ноги, вынуждены были стереться вместе с массой сверстников в сером, однообразном, стандартном вареве последующей страшной действительности, окра-

Смоленск. Начало XX века

шенной надуманной героической романтикой. Попытаемся отыскать этому подтверждения.

Но прежде чем окунуться вместе с Иваном Соколовым в бурные будни Смоленского реального училища, где началась его новая жизнь, обратимся еще к одним воспоминаниям. В них наиболее полно, ярко и отчетливо, с глубокой неодолимой привязанностью к земле предков он описал первые годы своей жизни и учения.

Достаточно прочитать повесть «Детство», чтобы определить тот главный исток, откуда началось формирование свободолюбивой личности подростка. Любимые и любящие единственного сына отец с матерью. Полная, но разумная свобода на деревенском приволье. Складывающаяся уже в самом раннем детстве целеустремленная, ищущая, чувствительная и ранимая личность физически здорового, крепкого мальчика. Болезненное отношение ко всякой несправедливости.

Описывая переезд из-под Калуги в Дорогобужский уезд на Смоленщину, Соколов-Микитов приводит такой эпизод. «В дороге произошло со мною печальное приключение. Где-то у берега реки я закапризничал, упорно стал проситься на козлы к отцу, правившему лошадьми. Меня уговаривали долго, потом, видя мое упорство,

отец остановил лошадей и, чтобы меня постращать, сорвал высокую травинку, погрозил высечь. Мне ничуть не было больно, но непереносимой показалась первая в моей жизни обида (и впоследствии болезненно чуток я был к несправедливости и обидам). Было ему тогда три года.

Только в самом раннем детстве жизнь для Вани Соколова складывалась прекрасно. «Казалось, все было светло и безоблачно в ссужавшем и радовавшем меня мире, где в неведомые далекие страны каждую ночь уносил меня наш сказочный плотик. Светлы и почти безмятежны были дни. Был молод, бодр, весел отец; тиха и нежна, ревнича своею любовью мать. Нужда, непоправимые несчастья, болезни, утраты и самая смерть, казалось, щадили наш дом. В раннем детстве я не знал и не видел тяжелых обид, ожесточающих человеческие сердца».

Большая сильная любовь между отцом и сыном, особенно после переезда в Кислово, в противовес фрейдистским утверждениям была прочна и светла. Ваня подрастал. «И чем дальше отходил от матери – ближе, понятнее, роднее становился отец». Именно отец ввел мальчика в сказочный мир вымысла. «Сказки отца, от которых, быть может, пошла моя страсть к путешествиям, распалили воображение. Чудесный плотик уносил меня в страны вымыслов и приключений. Зажмурив глаза, я плыл в тридевятое царство, где нас ждали сказочные приключения, творились невиданные чудеса. Сила вымысла мною владела».

Еще несколько эпизодов из далекого детства писателя, необходимых для характеристики становления его непростого характера. Вот первое впечатление после переезда в Кислово, произведенное сельской школой, местным учителем.

«В смоленском Кислове, небольшой и уютной усадьбе, еще не был достроен наш дом, и мы временно поселились в сельской школе. Помню приютившего нас учителя-старичка, его подстриженную клинышком бородку, рассыпанные по полу картонные буквы, исписанную мелом черную школьную доску. Учитель с седой бородой, рассыпанные буквы, черная школьная доска, особенный школьный запах – было первое мое впечатление от Кислова».

Главное же впечатляющее воздействие производила на него сама деревенская обстановка, ее дремучая девственность, слегка тронутая веяниями нового времени. И особенно – люди, с которыми так близко и постоянно соприкасался. Их быт, поверья, отложившиеся в живой восприимчивой детской душе на долгие годы, если

не на всю последующую жизнь. Без этого нельзя понять и оценить житейские и творческие искания писателя. И он оставил нам о том времени прекрасное описание.

«Но еще оставалось много старого, почти нетронутого в глухой смоленской деревне, во многом отличавшейся от калужских мест. Еще стояли кой-где леса. Как при Иване Грозном, пахали мужики деревянной сохой, боронили еловой бороной. Колдуна-ми и знахарями был полон край. И раннее детство мое, проведенное в деревне, надолго запечатлелось в душе: без малейшего сомнения верил я в колдунов, в нечистую силу, в «анчуток» и домовых, смутными страхами наполнялась впечатлительная душа. На печи, где пахло лучиной, наслушался я много страшных рассказов. Детские страхи эти, увеличенные силою воображения, усиливала и закрепляла церковь, церковная мрачная служба, темные лики святых, всегда вызывавшие в моей душе смутный трепет и страх. Страшны, неприятны были попы, приезжавшие к нам по большим праздникам – на Рождество и на Пасху, – их потертые, тусклые ризы, голос седого дьячка, выводивший непонятные, странные слова; неприятным и страшным казался сам поп Иван, под благословение которого насиливо заставляли меня подходить».

Не случайно автор пишет о своих страхах в другом месте, когда рассказывает о посещении Сухолома, где жила старшая сестра матери. Здесь угадывается что-то знакомое, тургеневское из «Бежина луга». Общее, видимо, для всех деревенских детей дореволюционного прошлого. Да я и сам еще застал подобные сцены и помню наши переживания при этом, хотя время было уже другое. Поэтому хорошо представляются впечатления Вани Соколова в теткином доме.

Там был никогда не отпиралшийся с крепостных времен таинственный кабинет старого барина, которого, якобы, не раз видели в колпаке и халате. Часто слышали и его шаги по дому. Этому посвящено подробное описание, в конце которого сказано: «И особенно запомнились таинственные шаги в старинном сухоломском доме, ночные детские страхи, надолго оставившие след в моей впечатлительной душе».

Спасение от этих наваждений давала природа, родной край, близкие любящие люди. «Колдуны, страшные сказки, церковь, попы поселяли первый болезненный страх в моей чуткой душе, едва не превратившийся в болезнь (ночами после сказок и церковных молитв посещали меня тяжкие болезненные видения, одно

приближение которых меня ужасало). Спасла меня от этой болезни, от одолевавших детскую душу страхов, как и впоследствии спасала не раз, — природа: свет яркого солнца, голубизна чистого неба, приволье окружавших меня полей. Здоровое влияние оказывал на меня отец — его веселый, светлый характер, неизменная его доброта...»

Нас будет интересовать также и тот багаж знаний, которые имел Иван Соколов до поступления в реальное училище. Об этом он сам поведал в повести «Детство». Но перед рассказом о своем учении писатель вставляет эпизод с отцом, как бы намечая определенную связь поколений. «Сказочным представляется отцовское учение в городе Дорогобуже, в городском училище, куда, наклавши сухарей в сумку, с младшим братишкой Петей пешком сорок верст топали они по лесным дорогам...»

Потом о себе. «Читать и писать меня учила вдова младшего брата отца Наталья Даниловна, одинокая несчастная женщина, которую я звал просто Натальей».

Это было начало, прочно отложившееся в детской памяти, которая сохранила и все последующие ступени.

«Дальнейшее мое обучение было поручено проживавшей в нашем доме деревенской учительнице Клавдии Владимировне, очень худой и высокой, окончившей городскую гимназию женщине со странной прической и холодными бледными пальцами, которыми она помогала мне выводить буквы. С двоюродной сестрой Маней мы сидели за маленьким столом у замерзшего, покрытого узорами окна, на котором были нарисованы диковинные цветы и снежные сказочные птицы».

Весь процесс этого учения сводился к следующему.

«В раскрытых тетрадях с линейками старательно писали мы толстые и тонкие палочки, крючки. Поставив кляксу, сестра Маня делала гримасу, тряслась годовою, косички ее смешно шевелились.

С Клавдией Владимировной мы зубрили таблицу умножения, «коренные» слова с «ятыю».

— Бег, беда, белый, бес... — назубок, торопливой деревенской скороговоркой выпаливали мы эти заученные слова».

И во время учения вымысел владел мальчиком. Особенно при чтении стихов. «Каждое слово, каждое движение, всякий доносившийся звук дополнял я тогда своим воображением, все сливалось в сказочные образы и представления».

А вот о страсти к чтению. «Необыкновенно быстро я научился читать. И каким мученьем и радостью стало для меня ненасытное чтение книг! Семи-восьми лет от роду я уже проглатывал книги

подчас совсем не по возрасту. Первыми прочитанными книжками были неряшливо напечатанные, с выпадавшими серыми листками, лубочные брошюрки с раскрашенными картинками: «Еруслан Лазаревич», «Королевич Бова», «Волшебный рог Оберона».

Навсегда оставалось влияние настоящей поэзии, в «Свидании с детством», описывая Москву, он говорит: «Смутно запомнился мне памятник Пушкину, скромно стоявший в кольце зеленых деревьев. Уже и тогда волновал меня Пушкин, прочитанные немногие стихи, чудесные пушкинские сказки».

Несколько теплых, поразительно емких строк посвятил писатель первой своей волостной школе в Кислове. Согласно «Списку населенных мест Смоленской губернии», в Кислове, которое находилось в 55 верстах от уездного города Дорогобужа, тогда было 32 двора, где жило 84 человека. Из них мужчин и женщин поровну.

Соколов-Микитов писал: «Уже хорошо грамотным пошел я в деревенскую школу. До сих пор отчетливо памятно мне исследованное детскими лапотками крылечко, кислый запах холодной прихожей, где висели на стенах полушибки и суконные зипунички учеников, бревенчатый класс с иконой в углу, с доскою и длинными партами, за которыми сидели мы по четыре человека. Памятны пахнувшие хлебом, овчиною деревенские приятели-ребятишки, в одних холщовых рубашках вывалившие с крыльца на снег... Добрую память оставил учитель Петр Ананьевич, высокий, обросший бородою, похожий на медведя человек, нередко захватывавший в наш дом. Помню, как усаживал он меня за парту (в классе по возрасту я был самый младший), как заставлял петь, наклоняя к моему лицу ухо (петь я не умел и не имел хорошего голоса, музыкального слуха), помню, как приезжал из села раз в неделю батюшка о. Иоанн, неприветливый и волосатый, учивший читать по-славянски из Часослова, спрашивал строго молитвы...

И весь этот школьный деревенский период детства остался как далекое, почти исчезнувшее воспоминание».

Вот таким и привезла его мать для учения в Александровское реальное училище. Очевидно не случайно Соколов-Микитов обрывает повествование о детстве на кисловском периоде. И лишь отчасти очень кратко затрагивает дальнейшую свою учебу в «Свидании с детством» и «Воспоминаниях».

Для этого он выбирает из многолетнего потока памяти только самые кульмиационные факты, сосредоточив внимание на 1910 году, когда был исключен из реального училища.

Слишком много было для этого причин, начиная с позорного исключения. Затем — годы мытарств, послереволюционная Смоленщина, откуда потом вынужден был уехать из-за преследований местных властей. Отголоски всего этого надо искать в творчестве, которое включало и путешествия, и другие стороны его яркой биографии.

Почему было выбрано реальное училище? На этот вопрос я ответил у Соколова-Микитова не нашел. Нет его и у исследователей жизненного пути писателя. Решение о поступлении мальчика в это учебное заведение в обеспеченной хозяйственной семье, видимо, созрело не случайно.

Окончившие реальное училище получали общее среднее образование. Но в отличие от классической гимназии оно давало больший объем знаний по математике, физике, биологии. Вместо древних языков в нем преподавались немецкий и французский.

Обратимся к брошюре «Смоленское Александровское реальное училище в первые пятнадцать лет своего существования (1877–1892). Составил П. Никульцев, инспектирующий учитель означенного училища». Автор сообщает интересующие нас сведения по открытию и дальнейшей работе этого учебного заведения, куда поступил учиться одиннадцатилетний Иван Соколов.

«Вопрос об открытии реального училища в г. Смоленске возбужден в 1875 г. смоленским губернским земством, которое нашло себе горячую поддержку в среде гласных Смоленской городской думы. Большую помощь при осуществлении желаний смоленского общества относительно учреждения реального училища оказал бывший смоленский предводитель дворянства (видный земский деятель, первый председатель губернской земской управы — М. Л.), тайный советник С. С. Иванов, состоявший в семидесятых годах помощником попечителя Московского учебного округа».

Родители Ивана Соколова, как и многие другие, понимали, какие выгоды получали «ученики, окончившие курс в таком учебном заведении при отбывании воинской повинности, при поступлении в высшие учебные заведения и по отношению к коммерческой и практической деятельности». Первые два года реальное училище «помещалось в доме Мертенса (на Кирочной улице)». Сейчас это улица Ленина.

Далее автор констатирует: «С августа 1879 г. училище помещается в собственном трехэтажном доме...» Краткое описание этого здания с изображением его помещено в «Архитектурных памятниках Смоленской области. Каталог. Книга первая». «Расположено на

одной из центральных улиц (бывшая Кадетская, ныне Коммунистическая, 4 — М. Л.), главным фасадом обращено к улице и саду им. Глинки. Крупное трехэтажное здание с примыкающими по улице воротами имеет вид дворцового сооружения. Кирпичные стены оштукатурены. В торжественном облике преобладают мотивы классицизма, при эклектичной компоновке форм... В парадных воротах два прохода по сторонам и средняя арка съезда разделены пилонами. Арка украшена поясками консолей и квадратными нишками, по оси — композиция с гербом Смоленска».

При училище был обширный двор. В указанной брошюре П. Никульцева написано: «В ясную и теплую погоду во дворе училища происходят уроки гимнастики и во время большой перемены игры учеников». И далее: «В начале 1880 г., ввиду двадцатипятилетия царствования Александра II, смоленское губернское земство ходатайствовало о наименовании реального училища Александровским и постановило учредить при нем 12 стипендий».

Еще один немаловажный факт. «В 1881 г. Смоленское губернское земское собрание постановило ходатайствовать об открытии

Смоленское Александровское реальное училище

при реальном училище дополнительного класса с тремя отделениями и об увеличении прав окончивших курс этого класса по отношению к дальнейшему их образованию дарованием им доступа на физико-математический и медицинский факультеты университетов».

С августа 1890 г. при реальном училище был открыт приготовительный класс.

К моменту поступления Ивана Соколова в Смоленское Александровское реальное училище оно было вполне подходящим учебным заведением для способного деревенского мальчика. И выбор родителей в этом отношении совершенно оправдан. Другое дело – сразу заметить его одаренность, природную склонность к творчеству, очарование бесконечной сказкой вымысла они, очевидно, не сумели.

Итак, тихим августовским днем 1903 г. мать (а не отец, как пишет биограф писателя В. Смирнов в книге «Иван Соколов-Микитов») привезла Ваню в Смоленск. Любопытный взгляд подростка выхватывал и запоминал многое на улицах старинного губернского города. Позже многие детали перо писателя представило живыми притягательными образами далеких детских воспоминаний.

Если бы будущий прозаик, которому в то время было 11 лет, поинтересовался материалами, опубликованными в «Смоленском вестнике», то мог прочесть следующие сообщения. Все время среди постоянных нескольких реклам на первой странице: «Склад фотографических принадлежностей Л. Н. Соколова. Большая Благовещенская улица (ныне Б. Советская – М. Л.) дом Лизункова. Получен из-за границы большой выбор фотографических аппаратов новейших конструкций; единственная продажа и представительство бумаги «М». Иллюстрированный прейскурант бесплатно. 1219 300–194».

Адаптировавшись в Смоленске, Иван Соколов наверняка заинтересовался этим заведением своего однофамильца. Ведь позже он станет страстью фотолюбителем, добившись определенного мастерства при съемках. Или в рубрике «Театр и музыка» за 6 августа 1903 г. «Сегодня на сцене Лопатинского сада (ныне ПКО – М. Л.) труппа драматических артистов под управлением Д. И. Басманова заканчивает сезон популярной содержательной пьесой Потехина «Нищие духом»... В театре Народного дома (по телефонному справочнику за 1910 г. – Набережная улица за Днепром – М. Л.) производятся усиленные работы по постройке новых декораций».

Не тогда ли его потянуло на сцену? В «Автобиографических заметках» Соколов-Микитов писал: «С четвертого класса стал увлекаться театром». В этом же месяце, как свидетельствует «Местная хроника» за 8 августа, «в Смоленск приехал на несколько дней писатель П. И. Вейнберг по делам литературного фонда». Десятого августа газета опубликовала рассказ Л. Андреева «Книга». Насыщенность всевозможной интересной информацией того периода поразительна.

Невольно или скорее волею судьбы мальчик окунулся в новую жизнь, наполненную городскими событиями начала двадцатого века.

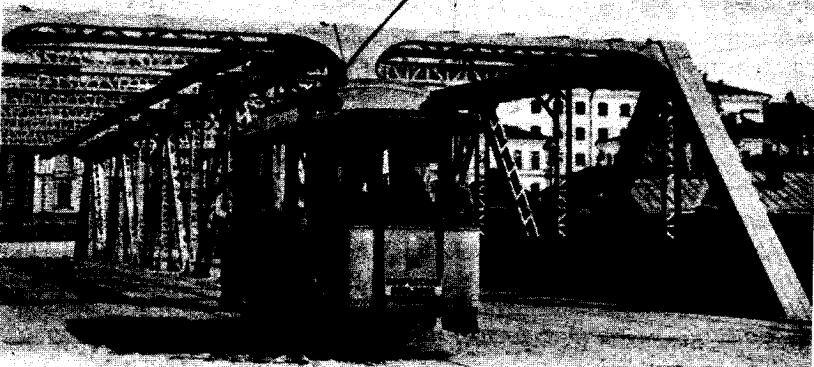
Вот одно из самых, пожалуй, будничных впечатлений, которое мог получить деревенский мальчик сразу по приезде в Смоленск. Думается (сведения, к сожалению, не обнаружены), что он поселился и все годы учебы жил на Запольной улице (ныне Твардовского – М. Л.). Во всяком случае, других указаний о месте его проживания мне не встретилось.

В Смоленске тогда продолжалась укладка рельсов для нового трамвайного маршрута. 21 августа 1903 г. «Смоленский вестник» сообщал: «Постройка трамвайной ветки в Офицерскую слободу в скором времени будет закончена. На днях будет окончена укладка рельсов. От дома Вавравского до Никольской улицы линия уже готова, рельсы уложены, профиль спланирован. Столбы для подвески проводов установлены и окрашены; в настоящее время подвешиваются провода. Арка в крепостной стене, рядом с Никольскими воротами, для пропуска вагонов трамвая уже совсем закончена». Запольная улица была рядом. Оттуда он ходил на занятия в реальное училище и видел, как пошел трамвай. А может, и пользовался им при случае.

«Смоленский вестник» в той же «Местной хронике» периодически помещал информацию и корреспонденции, а иногда и обширные статьи об учебных заведениях. По ним можно хорошо представить обстановку того времени и в реальном училище, куда поступил Иван Соколов. Из-за отсутствия документов это единственный источник необходимых сведений.

В те дни, а точнее 16 августа, как информировал «Смоленский вестник», в реальном училище состоялся «обычный годовой акт», т. е. выпускной вечер в нашем сегодняшнем понимании. Затем начались приемные экзамены.

Двадцать третьего августа газета сообщала: «По примеру истекшего учебного года и в текущем учебном году в наших городских училищах по положению 1872 г. не оказалось для многих

Смоленский трамвай

учеников свободных вакансий, даже выдержавших экзамен удовлетворительно».

Посмотрим, как обстояло дело с поступлением в реальное училище. На следующий день после приведенной информации «Смоленский вестник» поместил об этом подробные данные. «В подготовительный класс реального училища принято 42 человека, отказано в приеме за неимением мест свыше 30 детям, несмотря на то, что все они выдержали экзамен. Средний балл принятых 3 3/4. В первый класс приняты вновь 67 человек, из них 9 евреев. Держали экзамен в младшие классы с 1 по 5 включительно с домашней подготовкой 15 человек, из них выдержали и приняты 8 человек. Держали окончательный экзамен 6 класса всего 54 ученика, из них выдержали 48, не выдержали 4, заболел 1 и 1 не пожелал держать. Окончили курс VII класса все 22 воспитанника. Из посторонних держали выпускной экзамен VII класса 4 человека и все выдержали. Из державших в VI-м классе четверых посторонних выдержали только двое. Принято в VII класс из 48 окончивших VI класс 36 учеников, а 12 ученикам отказано в приеме за неимением мест и средств. Переведено в следующие классы реального училища 348 учеников, т. е. 82 процента».

Такие постоянные корреспонденции давал в газету, очевидно, кто-то из преподавателей училища. Оказывается, поступить туда было нелегко даже детям из Смоленска, не говоря уже о мальчике

из далекого дорогобужского села со знаниями деревенской школы. Но, как известно, он поступил. И это говорит о многом. Дело в другом. Исследователи почему-то не обращали внимания на такой факт. Согласно общеизвестной «Хронике жизни и творчества И. С. Соколова-Микитова» он поступил учиться в 1903 г., а исключен был из реального училища как ученик 5 класса в 1910 г. Выходит, Иван Соколов учился 7 лет. Если допустить, что один год он посещал подготовительный класс, то еще один год или болел, или сидел в каком-то классе повторно. Во всяком случае, учеба ему претила, о чем позже он сам откровенно писал в воспоминаниях.

Еще одна необходимая для нашего исследования информация «Смоленского вестника» за 2 сентября 1903 г. «Вчера перед началом учебных занятий в Смоленском реальном училище было отслужено молебствие; занятия начнутся сегодня. Кончившим курс в текущем году ученикам выдана награда 1 степени – 4 и 2 степени – 7. Принято в первый класс училища 19 человек».

Итак, Иван Соколов в 11 лет становится учеником Смоленского Александровского реального училища, по-тогдашнему – реалистом. Естественно, трудно без наличия нужных сведений представить дни его учебы. Неясен поэтому и скромный быт квартиравшего у чужих людей подростка, о наблюдении за которым, видимо, заранее договорилась мать. С переменой привычной обстановки родительского дома, где о нем постоянно заботились, мальчик оказался вполне самостоятельным.

Прежде чем предоставить слово самому Соколову-Микитову о его учебе в Смоленске, попробуем обратиться к материалам газеты «Днепровский вестник». Так одно время назывался «Смоленский вестник». В этой газете достаточно полно и правдиво отражалась хроника местной жизни, печатались материалы о важнейших событиях, происходивших в России. Публиковавшаяся информация порождала разговоры и пересуды взрослых, так или иначе задевала реалистов. Всех волновали в 1904 г. события на Дальнем Востоке, начавшаяся война с Японией. Попытаемся уловить в материалах газеты именно те факты, которые прямо или косвенно затрагивали подростка Ивана Соколова и могли повлиять на формирование его личности. Отзвуки их отчетливо прослеживаются в дальнейшей жизни будущего писателя. Они видны в увлечениях, поступках, привязанностях, самом творчестве.

Из биографии писателя, как уже упоминалось, мы узнаем о его ранней тяге к сцене. Культурная жизнь Смоленска в годы

учебы Ивана Соколова немыслима без театра. Здесь постоянно выступали местные актеры и приезжие. Губернская газета периодически писала об этом в специальной рубрике «Театр и музыка».

Пятнадцатого января 1904 г. «Днепровский вестник» сообщал: «Во вторник, 13 января, бенефис артистки А. К. Колесовой, на сцене Народного дома поставлена классическая трагедия Шекспира „Ромео и Джульетта“». Среди актеров, участвовавших в этом спектакле, упомянут однофамилец Ивана, известный тогдашнему зрителю Соколов, 20 января он выступал в роли Отелло. Вскоре и наш реалист будет пробовать свои силы на сцене. В училище были созданы все условия для устройства ученических спектаклей. Об этом тоже находим в печати тех лет: 22 февраля того же года «Днепровский вестник» извещал: «Г.[осподином] губернатором разрешено учителю реального училища М. Никольскому, под его ответственным распорядительством, устроить спектакль, сбор с которого поступит на усиление русского флота».

В газете мы встречаем и другие материалы об учебных заведениях Смоленска начала века, которые прямо касались Ивана Соколова. Вот некоторые из них в «Днепровском вестнике»: 31 января 1904 г. «Отпуск учеников учебных заведений в нашем городе на масленицу последует в четверг 5 февраля». Можно себе представить, с какой радостью ехал домой Иван к родителям. Достаточно прочесть взволнованные строки воспоминаний Соколова-Микитова о таких днях.

Двадцатое февраля 1904 г. «Вчера, 19 февраля, по слухам гдовщины освобождения крестьян от крепостной зависимости, в кафедральном соборе совершено преосвященнейшим епископом Петром благодарственное Господу Богу молебствие в присутствии представителей административных и общественных учреждений города и массы народа. Занятия в учебных заведениях, а также в некоторых административных и общественных учреждениях города были отменены».

Там же сообщение: «В непродолжительном времени прибудет в Смоленск цирк г. Охотницкого, который будет давать свои представления в помещении Эрмитажа». Это был франко-русский цирк, который начал свои представления 2 апреля.

Любознательный подросток мог ходить в Народный дом. Седьмого марта 1904 г. газета дала объявление: «Сегодня в Народном доме состоится чтение со световыми картинками. Прочитано будет: «Где на Руси какой народ живет и чем промышляет». Само-

еды соч. Александрова. Начало в 2 ч. дня. Вход бесплатный».

Зная тягу Соколова-Микитова к путешествиям, можно предположить, что Иван, учась в Смоленске, начал посещать подобные чтения. Тем более, что это было воскресенье.

С детских лет захватил вихрь войны будущего писателя. Начало его учебы в Смоленске совпало с русско-японской. Дальше, когда подрос, лично испытал весь ужас империалистической. Затем придет

Октябрьская революция, а с ней гражданская война. Эти события формировали его мировоззрение, оставляли навсегда живой след, постоянно сказывались на развитии незаурядной личности.

Снова обратимся к «Днепровскому вестнику». Десятого марта 1904 г. он опубликовал такую информацию: «В местном реальном училище на нужды военного времени собрано 586 р., из них поступило от учеников 190 р. и от преподавателей и служащих в училище 396 р. Часть этой суммы (350 р.) сдана на усиление флота, а остальные 236 руб. в пользу Красного Креста».

К весне 1904 г. мы можем представить Ивана Соколова уже начавшим привыкать к новой обстановке. Любитель и знаток природы с малых лет, он, конечно, жадно и восхищенно ловил каждый новый день ее весеннего преображения.

Здание городской Думы

О том, что мог видеть тогда Иван Соколов и молча воспринимать, оставаясь наедине с самим собой, а мечтами радостно уносясь в родные деревенские просторы, можно узнать из «Бюллетеня природы», публиковавшегося «Днепровским вестником». По периодическим информациям можно заключить, что их готовил специалист-фенолог.

Попробуем и мы воспринять в полной мере, а может, и почувствовать через взволнованные слова очевидца весенние дни Смоленска той далекой поры.

«Близ Немецкого кладбища (в районе ул. Бакунина – М. Л.) 12 апреля в кустах видели чижика, вечером летала проснувшаяся летучая мышь, в земле копошились дождевые черви *Zumbriesius Terrestries*. Цвела осина – *Populus Tremula* из семейства *Salicineae*. 13 апреля в реадовской роще найдены были растения *Caltha palustris* – Куриная слепота, из семейства лютниковых, желтый цветок, растущий в таких местах, и медуница лекарственная *Pulmanaria officinalis*, из семейства Бурачниковых, развертывающиеся цветочные точки розоватого цвета, но цветы готовые – сине-фиолетовые. У домов на Краснинском большаке хлопотала за постройкой своего гнезда ласточка городская.

16 апреля на Блонье появились у берез из почек зеленые листочки, вяз зацвел: свесились кисточки крылаток».

Здесь Иван Соколов бывал ежедневно: ведь рядом находилось училище. И везде по городу весна с каждым шагом оставляла свой веселый рисунок. В тот же день: «В саду близ Молоховской площади (ныне площадь Смирнова – М. Л.) черемуха *Prunus padus* развертывала цветочные почки, содержащие еще зеленые, но уже пахучие кисти цветов. Смородина выставила зеленые листочки...»

Еще одно сообщение «Днепровского вестника» за 22 апреля 1904 г.: «В ночь с 19 на 20 апреля в Смоленске была первая гроза и сильный дождь. 20-го апреля за вокзалом видели косяк журавлей, летящих с юга».

Думается, что, как все мальчики такого возраста, Иван любил посещать цирк, который периодически приезжал в Смоленск. Да еще такой, где показывали необыкновенную меткость в стрельбе, сочетающуюся с виртуозной ловкостью, что ему, приобщенному с детства к охоте, было особенно интересно.

По этому поводу из заметки «Днепровского вестника» за 29 апреля 1904 г. узнаем: «Сегодня в цирке «Эрмитаж» состоится бенефис директора цирка А. И. Охотницкого. Бенефициант, между

прочим, будет стрелять одновременно по двум целям в разных направлениях».

Судя по частным публикациям в газетах, смоленские реалисты не вели замкнутый образ жизни. И в этом отношении вольнолюбивому Ивану Соколову повезло. Помимо общения с учащимися других учебных заведений он, как и его сверстники, мог участвовать в самодеятельности, выступать перед горожанами в спектаклях, совершать экскурсии. А в часы, когда не было занятий, веселить свободный образ жизни, заводить знакомства, быть предоставленным самому себе.

Став старше, Иван, страстный любитель чтения, наверное, не упустил возможности пользоваться хорошей училищной библиотекой. Там была, как указывает в своей брошюре П. Никульцев, фундаментальная библиотека и специальная ученическая.

Чтобы ярче представить впечатления Ивана Соколова от первого года обучения в Смоленске, обратимся к подробному отчету, опубликованному корреспондентом «Днепровского вестника» 18 августа 1904 г. Если наш реалист не был болен и не опоздал, то наверняка присутствовал на торжествах по случаю начала занятий в училище. Для него это был второй год обучения.

«В понедельник, 16 августа, в местном реальном училище перед началом учебных занятий отслужен был молебен, по окончании которого состоялся годичный акт. Торжество было открыто речью директора Н. И. Давиденкова, который коснулся событий на Дальнем Востоке и упомянул, что среди защитников есть и воспитанники училища, так, бывший воспитанник училища Д. Г. Смирнов погиб на броненосце «Петропавловск» вместе с Макаровым и В. Г. Завадским сумел благополучно доставить боевые снаряды в Порт-Артур. С наступлением военных действий преподаватели и служащие добровольно решили отчислить на военные нужды по 2 процента из своего жалования до окончания военных действий, а ученики в истекшем году отказались от устройства танцевального вечера и собранные деньги 200 рублей пожертвовали на военные нужды.

По окончании речи директора преподавателем русского языка А. В. Костицыным была сказана речь, посвященная памяти А. С. Хомякова (русский религиозный философ и писатель либеральных взглядов, один из основоположников славянофильства, 100-летие со дня рождения которого тогда отмечалось – М. Л.), покрытая долгими и шумными аплодисментами. Затем секретарем педагогического совета П. М. Катинским прочитан краткий

отчет о состоянии училища в истекшем учебном году, из которого, между прочим, видно, что в минувшем году в училище было 7 основных, 6 параллельных и один подготовительный класс; учебный персонал состоял из 25 лиц, учащихся было 514 человек. Окончило курс семи классов 35 лиц, из них 2 лица посторонних, из 56 учеников 6-го класса окончило курс 40 лиц, из них 6 посторонних. В первых 5 классах было 377 учеников, из них переведено в высшие классы 326, причем 255 человек переведено без экзаменов, оставлено на 2-й год 46 и уволено за малую успешность — 5.

Из необязательных предметов были: пение, языки и фехтование. Гимнастика была заменена подвижными играми и упражнениями на простейших гимнастических приборах. Ученики старших классов производили осмотры местных типографий, а также осматривали Брянские заводы. 14 человек под руководством инспектора В. И. Степанова и преподавателя В. К. Унтилова совершили дальнюю экскурсию на Финское побережье, в Финляндию и Петербург. За отличные успехи и поведение удостоены наград: первой степени 20 учеников, второй — 16, подарков по рисованию — 16, по черчению — 3. Кроме того, выданы подарки за усердие в пении и за обязанности церковнослужителей и чтецов. К началу текущего учебного года в училище 552 ученика.

Торжество закончилось народным гимном. На акте присутствовало, кроме педагогического персонала и учащихся, много посторонней публики. С 17-го начались учебные занятия, за исключением приготовительного класса, где занятия отложены на несколько дней вследствие ремонта помещения».

В просмотренных последующих материалах сохранившихся газет за 1904 г. особых событий, которые могли бы иметь отношение к жизни и учебе подростка Ивана Соколова, не встре-

А. В. Костицын

тилось. Может быть, он, приехав после каникул, начал внимательнее присматриваться к городу, выискивать знакомое по дому: в природе или бытовых сценах, похожих на деревенские. Вот, пожалуй, одна.

Из публикации «Днепровского вестника» 28 августа узнаем: «За Молоховскими воротами у стены находится большая сажалка. Нередко по сторонам ее можно видеть баб, полоскавших белье, причем за полосканье его взимают по 2 коп.»

А этот сюжет уже касался его непосредственно, потому что реалист Иван Соколов к такому интересному факту не мог оставаться равнодушным. Он опубликован в «Днепровском вестнике» за 16 сентября 1904 г. «Вчера в Смоленск прибыл персидский путешественник Мирза-Баба-Бар-Шмая, который в течение 12 лет путешествовал по Европе и Азии. Во многих городах России и за границей он прочел ряд лекций о Востоке, знакомя европейцев с своей родиной и соседними странами. Лекции сопровождаются туманными картинами.

Между прочим, г. Мирза-Баба-Бар-Шмая получил общее разрешение на чтение лекций в Московском учебном округе. По приглашению директора местного реального училища г. Давиденко-ва г. Мирза-Баба-Бар-Шмая прочтет сегодня в 5 час. вечера лекцию в помещении реального училища».

Пожалуй, самым значительным событием в жизни Ивана Соколова той поры были праздники, когда он мог хоть на несколько дней поехать домой к родителям. Приближалось рождество. И «Днепровский вестник» 14 декабря 1904 г. информирует читателей о зимних школьных каникулах. «Отпуск учеников в светских учебных заведениях на рождественские каникулы, согласно распоряжению Московского учебного округа, последует 22 декабря. Учащиеся же в училищах духовного ведомства будут отпущены на праздники 18-го декабря».

Тяжело вспоминал Соколов-Микитов впоследствии годы своей учебы в Смоленске. Недобрый отзыв об этом времени находим при чтении его воспоминаний о прошлом. Один отрывок из «Свидания с детством» по этому поводу уже приводился. В другом он с горечью писал: «Училище с первых же дней напугало сухой казенщицой, суровым бездушием учителей, одетых в чиновничьи мундиры. Пугали недобрые и грубые клички, которыми именовали своих наставников ученики. Кто и когда выдумывал эти злые и меткие прозвища, от которых веяло бурой, давними временами? Раз положенная кличка оставалась за учителем навеки,

переходя из поколения в поколение учеников. Учителя русского языка Насоновского все называли Скоморохом, учителя арифметики — Смыком, классного надзирателя — Козлом и Плюшкой, учителя алгебры — Бандурой. Кроме этих кличек, были клички и посолонее».

О том, как он учился, документальных подтверждений не обнаружено. Но Соколов-Микитов в «Воспоминаниях» сам об этом рассказал с полной откровенностью: «Ученье в реальном училище с первых же лет показалось каторгой. Должен сознаться, ученье шло плохо (училище вообще отличалось сухой казенщиной), особенно в последние месяцы учебного года, когда запахи пробуждавшейся земли неудержимо тянули за Днепр, на его берега, покрывшиеся нежной дымкой распустившейся листвы».

Перейдя далее к другим воспоминаниям, Соколов-Микитов еще раз описывает свою учебу в Смоленске и кое-что уточняет: «Ученье шло по-прежнему туго, но иногда я выправлялся. Учился хорошо по рисованию, по естественно-историческим предметам. По-прежнему особенно туго было весною, когда начинала оживать земля. В последней, решающей, четверти неизменно оказывалось много двоек, незаконно пропущенных уроков. В училище особенно не ладил с законоучителем — классным наставником, — неведомо за что меня невзлюбившим. Недобрый ученый поп — заядлый картечник — на первых порах моей жизни причинил мне много тяжелых горечей». Участь в Смоленске, Иван Соколов уже успел ощутить весь ужас первой русской революции. Не тогда ли запало ему в душу отвращение ко всякому политическому произволу, продолжение и обострение которого в России он сполна испытает потом?

Из описания Смоленска в 1905 г. видно, что он только присматривался к происходящим событиям. Пока без личного участия. Они были неожиданной настораживающей новизной, как и для многих тогда. Это отражено в его воспоминаниях. Главное в них схвачено и представлено весьма отчетливо. И спасибо Соколову-Микитову как очевидцу за оставленные запечатленные факты, которые во многом не расходятся с газетными публикациями этого периода.

«Из первых лет жизни в Смоленске помню революцию пятого года (с этим временем совпала моя тяжелая болезнь), забастовки в гимназии и реальном училище, помню, как старшие реалисты ходили «снимать» с уроков гимназисток, жалостно плакавших и сморкавшихся в кружевые платочки. По городу и вокзалу бродили солдаты в косматых маньчжурских папахах. В городе про-

исходили революционные демонстрации. Отчетливо помню возникшее в душе чувство восторга, слияния с людьми, когда первый раз шел из Народного дома в революционной демонстрации молодежи под звуки песен, как бы вырывавшихся из общей груди. Рабочих и молодежь разгоняли нагайками казаки и выписанные губернатором черкесы, размещавшиеся во дворе полицейского управления, рядом с нашим училищем. Помню еврейские погромы, страшных погромщиков-черносотенцев, носивших по улицам портреты царя, пожары, происходившие в Смоленске почти ежедневно...»

Вслед за этим абзацем необходимо процитировать два следующих, где Соколов-Микитов передает свои тогдашние мысли. В это время, живя самостоятельно, немного повзрослев, подросток Иван Соколов навсегда сделал свой выбор между городом и деревней.

Куда бы после ни забрасывала его судьба, включая границу, где вынужден был остаться любимый им Бунин и другие писатели, деревня, крестьяне, отчий дом постоянно теплились в душе и стояли перед глазами. Даже недолгое расставание с домом всегда было для Соколова-Микитова мучительно, начиная с учебы в реальном училище.

«Краткие приезды домой, в деревню, были самым счастливым временем. Ясные дни детства, казалось, тогда возвращались. Особенно памятны зимние короткие каникулы, веселые деревенские свяtkи: поездки в гости, шумные деревенские вечера, первая влюбленность в кокетливую русоволосую девочку Дуню, внучку дьячка. Помню знайное деревенское лето, когда съезжалась в деревню молодежь. Помню, как приехавшие «на эпизоотию» студенты-ветеринары «соврали» полицейского урядника, под хмельную руку вместе с ними распевавшего запрещенные песни».

Далее писатель раскрывает те сокровенные мысли и побуждения, которые приходили к нему в годы первой русской революции, свое осознанное отношение к событиям, происходившим в родных местах.

«В эти летние и зимние наезды особенно закреплялась во мне связь с деревней, знание людей и природы, умение видеть и наблюдать. Многое узнавал и видел я, пропадая на мельнице и в волостном правлении, где всегда толклись люди и у меня оказались друзья. Уже многое понимал я тогда, что делается и вершилось в неустроенной старой деревне».

Стихия событий своей мощной волной захлебнула и смоленские учебные заведения, в числе которых было реальное училище.

Для обуздания брожения среди учащихся предпринимались разные меры. Это видно хотя бы из корреспонденции «Днепровского вестника» за 17 января 1906 г. «В воскресенье, 15 января, в 1 час дня состоялось в помещении реального училища общее собрание родителей учеников этого училища, созванное исполняющим обязанности директора В. И. Степановым. На собрании присутствовало около 200 человек. Вначале В. И. Степановым были прочитаны и разъяснены присутствующим положение комитета министров от 13 ноября 1905 года и два циркуляра министерства народного просвещения, касающиеся участия представителей общества в педагогическом совете и умиротворения школьной жизни».

Слово «умиротворение» в последней фразе не случайно. Вот что сообщает в своих воспоминаниях писатель. «Годы были мрачные. В городе и деревне уже свирепствовала реакция. Среди городской молодежи, по слухам, появились «огарки» (так назывались тогда кружки гнилой молодежи, занимавшейся развратом и пьянством). Лучшая молодежь тосковала, мучительно искала выхода, подчас бессмысленно погибала».

В Смоленске имели место и террористические акты. 3 декабря 1906 г. «Смоленский вестник» сообщил о неудавшемся покушении на губернского предводителя дворянства князя В. М. Урусова. Стреляя в него молодой человек, который успел скрыться.

Продолжая вспоминать настроение и поведение молодежи в это время, писатель сообщает любопытные подробности. «Старший товарищ наш, изгнанный за политику гимназист Боровиков, называвший себя анархистом-террористом, живя у сестры на окраине Смоленска, ежедневно упражнялся в стрельбе из револьвера. Лежа в кровати, он без промаха палил в деревянный потолок по сучкам-глазкам, приводя в ужас сестру. Этот смиренный и добный юноша в концерте знаменитой по тем временам певицы Лины Кавальери застрелил из «велодога» ни в чем не повинного человека, ошибочно приняв его за князя Урусова, предводителя дворянства, в имениях которого была учинена над крестьянами жестокая расправа. К Боровикову, растерянно стоявшему с дымившимся револьвером в руке, подбежал поручик Нарвского полка Сорнев, повалил его на пол и, придерживая за волосы, выпустил в спину этого юноши целую обойму из браунинга. Темное пятно крови долго оставалось не смытым на дубовом паркете зала дворянского собрания, где в пасхальные каникулы устраивались обычные студенческие вечера».

Соколов-Микитов дальше приводит еще один эпизод. «В том же году однокашник мой, реалист Щепилло-Полесский, странноватый задумчивый парень (кликали его просто Щепилкой), публично «бил морду» инспектору реального училища «Сычу», за что был присужден окружным судом к тюремному заключению».

Сам Иван Соколов активно не выступал. Но из тех же воспоминаний видно, что он тянулся к революционно настроенной молодежи. Там же он указывает и причину, предшествовавшую исключению его из училища.

«Из пятого класса реального училища, после многих огорчений, терпеливо пережитых родителями, я был изгнан с волчьим билетом, окончательно, по «подозрению в принадлежности к ученическим революционным организациям». Изгнанию из училища предшествовал обыск в моей комнатенке на Запольной улице, в присутствии жандармского ротмистра и двух городовых. Как выяснилось позднее, причиной обыска был донос провокатора, служившего приказчиком в табачной лавочке, за перегородкой которой иногда мы собирались».

Это случилось несколько позже. А пока в училище шла очередная смена директоров, что никак не сказалось на поведении и настроении реалистов, активно работал родительский комитет.

Семнадцатого января 1906 г. «Днепровский вестник» сообщал: «На место директора смоленского реального училища Давиденко-ва, назначенного директором реального училища в г. Скопин, переведен в Смоленск директор скопинского реального училища М. Е. Васильев, бывший раньше инспектором в местном реальном училище».

Газета «Днепровский вестник», поменявшая название снова на «Смоленский вестник», продолжала публиковать материалы об училище. Из корреспонденции за 20 мая 1906 г. «Как уже сообщалось у нас, родительский комитет при реальном училище возбудил ходатайство перед министерством народного просвещения относительно приема реалистов в университеты на математический, историко-филологический факультеты без экзамена по латинскому языку и на другие факультеты с облегченным экзаменом из курса 4-х классов гимназии».

Перед Иваном Соколовым открывалась прямая дорога в университет. Однако жизнь его сложилась иначе. Увлекающийся мечтатель с нестандартным мировосприятием, он постоянно искал себя, нащупывая разные пути, которые в конечном итоге подтолкнули его к художественному творчеству.

В смоленские годы наш реалист, как и другой смолянин – писатель А. Р. Беляев (последний был талантливым театралом), пытался играть на сцене. Позже он об этом вспоминал с легким юмором. «С четвертого класса стал увлекаться театром. Однажды, пробравшись на сцену, прильнув глазом к одной из бесчисленных дырочек в полотнище декорации, был обнаружен помощником режиссера, страшным по виду человеком с львиною гривою волос и рыкающим голосом. Этот похожий на старого льва, рыкающий человек приказал завернуть меня в пыльную бурку, и с грязной папахой, надвинутой на глаза, я был вынесен на освещенную сцену. На грудь мне бросилась загримированная актриса, а в изголовье, смеясь на груди руки, пел Демон: «Не плачь, дитя, не плачь напрасно!» Лежа на спине, понял я, что изображаю убитого князя Синодала, и, разумеется, возгордился. С тех пор я неизменно выступал статистом в различных труппах, приезжавших в Смоленск на гастроли. Увлечение театром (никакими актерскими способностями, впрочем, я не отличался) наравне с юношеской влюбчивостью наделало много бед».

Что касается других реалистов, то они в эти революционные годы, а затем и позже уже не могли соблюдать официальных, даже элементарных требований правил для учащихся. Все попытки дирекции, учителей, родительского комитетаенного успеха не имели. И поэтому Иван Соколов, находясь в среде сверстников, не мог оставаться в стороне. Хотя ничем особенным, кроме нерадивости в учебе и поведении, не выделялся.

Выходившая в эти годы наряду со «Смоленским вестником» «Смоленская газета» тоже помещала материалы о жизни учебных заведений. Двадцать седьмого июля 1906 г. в ней опубликована статья председателя родительского комитета реального училища и 2-й женской гимназии П. А. Герна о посещении им по приглашению директора экзаменов. Вот его впечатления и выводы.

«Этот год не мог не отразиться развращающим образом на поведении учеников: они не только не признают для себя обязательным приличное поведение на улице, но и в училище во время экзамена ведут себя неподобающим образом; на экзамен являются неприлично одетыми, лохматыми; в коридорах шумят до того, что не дают возможности продолжать экзамен; неоднократно приходилось выходить усмирять их; вообще поведение желательно во всех отношениях изменить на более скромное».

Но, увлекаясь игрой на сцене, Иван Соколов, естественно, прежде всего, тянулся к театру. Кроме того, реалисты под руковод-

ством учителей сами выступали в спектаклях, устраивали благотворительные вечера. В свою очередь, как сообщала «Смоленская газета» 31 октября 1906 г., народный театр предоставлял учащимся Смоленска льготы на бесплатный вход.

«Ежедневно дирекцией рассыпается в классическую гимназию, в женские гимназии, реальное училище и колонию для малолетних преступников по несколько бесплатных билетов на воскресный утренний спектакль. По этим билетам учащимся отведен весь верхний ярус лож и 6 лож в нижнем ярусе, всего около 20 лож. Кроме этого, в целях наблюдения за учащимися в театре в распоряжение учительского персонала предоставляется всякий раз несколько кресел в партере».

Такие отвлекающие мероприятия не уводили учащихся от революции. В ноябре из-за беспорядков со взрывами в помещении были закрыты на две недели старшие классы мужской гимназии. В последний месяц 1906 г. пришла еще одна печальная весть. Девятнадцатого декабря «Смоленский вестник» поместил корреспонденцию, видимо, одного из преподавателей училища.

«Юноша, убивший в Твери графа Игнатьева – бывший воспитанник смоленского Александровского реального училища – Сергей Николаевич Ильинский. Обучался в Смоленске до 7 класса, а затем 7-ой (дополнительный) класс поехал кончать в Фидлеровское реальное училище в Москву, где и был арестован во время прошлогоднего декабрьского вооруженного восстания. Просидев в тюрьме некоторое время, он по окончании предварительного следствия был выпущен на свободу под залог. В настоящее время он обвиняется по фидлеровскому делу. Ильинский оставил о себе хорошую память как среди преподавателей, так и среди учеников реального училища, как хороший ученик и товарищ».

Двадцать третьего декабря 1906 г. в «Смоленском вестнике» преподаватель реального училища выступил с письмом, в котором он протестовал «против пристрастного отношения к варшавским профессорам, заявляя, что знание и талант не оскудевают в Варшавском университете».

Эти и подобные материалы газет, информация из других источников становились известны реалистам и, вызывая соответствующий отклик, западали в незрелые души, насыщенные еще возрастной романтикой. Мечты о подвигах скрашивали постоянное напряжение действительности. Не случайно в воспоминаниях Соколов-Микитов назовет годы революции и последовавшей затем реакции мрачными, сам сполна испив горькую чашу этого времени.

Еще одна заметка в «Смоленской газете» за 23 декабря 1906 г. «Отказ в отмене состязательных испытаний. Родительским комитетом смоленского реального училища было возбуждено ходатайство перед министерством народного просвещения об отмене для учеников приготовительного класса состязательного испытания при поступлении их в 1 класс, но министерство не признало возможным изменить существующий порядок».

В этой связи хочется напомнить о том, что Иван Соколов такой экзамен при поступлении успешно выдержал и без особых трудов стал первоклассником.

Из года в год он взрослел и, несмотря на весьма прохладное отношение к учебе, все же, будучи способным от природы, набирался знаний, приобретал житейский опыт. Из мечтательного деревенского мальчика, каким Иван Соколов запечатлен в форме реалиста на фотографии начала девятисотых годов, постепенно этот внимательно и серьезно смотревший в объектив фотоаппарата подросток с наметившимися волевыми чертами выразительно го лица становился сильным смелым юношей последнего года учебы в Смоленске. Об этом свидетельствует другая, к счастью, сохранившаяся, фотография 1910 г.

Обратим внимание на информацию «Смоленского вестника» за 18 августа 1909 г. «Назначения. Директором Александровского реального училища назначен директор народных училищ Эстляндской губернии К. И. Реха. Вновь назначенный директор приезжает в Смоленск сегодня вечером и на днях вступит в исправление своих служебных обязанностей.

Бывший директор училища г. Ушаков на днях выбыл из Смоленска к месту своего нового служения в г. Тулу».

Так из года в год менялись директора этого учебного заведения. Мужали реалисты. У некоторых за это время круто поворачивалась жизнь. К. И. Реха был последний директор периода учебы Ивана Соколова в реальном училище.

Двадцатого августа того же года «Смоленский вестник» оповестил еще об одной замене. «18 августа по окончании 3-х уроков преподаватели Смоленского Александровского реального училища прощались со своим старейшим товарищем старшим советником Владимиром Ивановичем Грютталем, служившим преподавателем немецкого языка с самого основания училища». На его место был «перемещен преподаватель вологодского реального училища Вильгельм Оттович Баг». Несомненно, первый, а затем второй преподаватели обучали Ивана Соколова основам

знания немецкого языка, что пригодилось, когда он был в Германии.

Одним из серьезных увлечений юного реалиста была авиация, в которой он сумел потом проявить себя во время первой мировой войны. Его учеба совпала с годами развития воздухоплавания в России. Повсеместно приверженцы этого нового и необыкновенного достижения человеческой мысли выступали с лекциями, а по возможности демонстрировали полеты. Приезжали они и в Смоленск.

Еще в 1893 г. смоляне видели прыжки с парашютом Янини Мей, которая поднималась на воздушном шаре под руководством своего учителя С. М. Древницкого. В первом десятилетии девяностых годов воздушные шары уступили место неуклюжим громоздким летательным аппаратам, но за ними было будущее.

Можно предположить, что любопытный подросток со своими сверстниками не пропускал случая, когда можно было узнать что-то новое о полетах. Седьмого ноября 1909 г. в «Смоленском вестнике» появилась небольшая, но привлекающая внимание любого интересующегося авиацией заметка. «Интересная лекция. Завтра (это было воскресенье — М. Л.) в зале губернской земской управы (рядом с реальным училищем; сейчас — здание городской администрации — М. Л.) инженером-механиком Аронтрихер прочитана будет интересная лекция об успехах воздухоплавания.

Лекция будет сопровождаться туманными картинами. Содержание лекции: 1) история развития воздухоплавания, 2) принципы полета тел легче воздуха, 3) воздушные шары, 4) первые управляемые шары, 5) современные управляемые аэростаты и их различные системы, 6) принципы полета тел тяжелее воздуха, 7) полет птиц, 8) сравнение человека и птицы, 9) историческое развитие системы тяжелее воздуха, 10) последние успехи авиации (Состязание в Реймсе), 11) Аэропланы. Сравнение аэропланов и аэростатов и их значение в жизни человечества. Начало ровно в 6 час. вечера».

Про свои увлечения полетами Соколов-Микитов рассказал в нескольких заметках. Пожалуй, самое раннее воспоминание — очерк «Глебушка» о пионере русской авиации Глебе Васильевиче Алексновиче. Там есть такой эпизод. «В девяностом восьмом году гордая весть прилетела: человек летает! И так нам, гимназистам и реалистам, голову вскружило: все авиаторами стать захотели. Науку побоку, изобретать стали парашюты, геликоптеры, планеры, и на уроках, вместо прежних шутух, с «камчатки» вылетал

на кафедру воробей не воробей — настоящий аэроплан маленький. И начальство терпело — самим любопытно, сами изобретали. И можно ли сердиться, когда все об одном:

— Человек полетел!

Г. В. Алекснович знал Иван Соколов еще с ученических лет. Обратимся к работе писателя-краеведа С. М. Яковлева «Пионер русской авиации Глеб Васильевич Алекснович». Эта книга единственный раз была издана в Смоленске в 1960 году. Автор сообщает. «По окончании в 1906 году Константиновского артиллерийского училища Г. В. Алекснович, аттестованный по первому разряду, получил назначение в 3-ю резервную артиллерийскую бригаду и был направлен в Смоленск. (Здесь он принял опекунство над малолетними братьями и сестрами — М. Л.).

Скромного офицерского жалования не хватало для того, чтобы содержать семью, и Г. В. Алекснович вынужден был устроиться по совместительству преподавателем гимнастики в Смоленском реальном училище. Реалисты души не чаяли в своем молодом преподавателе».

Впечатления тех лет о нем находим у Соколова-Микитова в очерке «Глебушка».

«В те же времена в Смоленске завелась кем-то привитая новая забава: лыжеходство. Собрались в общество, печать заказали и по воскресеньям уходили по здоровому хрустящему снегу в лыжное катанье. А голова всему — Глебушка.

Под Смоленском горы — голову свернешь! Испугаешься бывало, а Глебушка подоспевает:

— Э-эх, вы! — Взмахнет палками и уж внизу между кустами в снежной пыли мчится, подлетая на ухабах, крепкий, упругий, как лесной орех.

А за Глебушкой и остальные, — кто кувырком, а кто и на собственных... Мельком мелькают.

Глебушка между нами — единственный офицер, не гнулся санкционированием нашим. Придем в деревню, всех молоком угощает, — а у нас какие деньги? Все молоко в деревне рублей на пять выльем. Тогда и заладил Глебушка:

— Полечу и полечу!..»

Этой мечтой он зажег и нашего реалиста.

О времени начала увлечения авиацией, которое навсегда запечателось в памяти, и об Алексновиче писатель рассказал Ал. Лессу. Последний опубликовал свою беседу с Соколовым-Микитовым в альманахе «Литературный Смоленск», № 13 за 1954 год. Очерк назывался

ется «Моторист „Ильи Муромца“ по названию легендарного самолета-бомбардировщика, на котором в 1916 г. под командованием Алексновича летал мотористом Соколов-Микитов.

«Мое увлечение авиацией началось в годы ученья в Смоленском реальном училище. Все это было в те далекие времена, когда с газетных страниц буквально не сходили сенсационные сообщения о первых полетах...

Любовь к авиации нам, смоленским реалистам, привил учитель гимнастики, артиллерийский офицер Глеб Васильевич Алекснович, веселый, румяный, с юношеским пушком на щеках. Мы его очень любили и называли ласково и запросто «Глебушка».

«Лекции» Алексновича привели к тому, что на уроках закона Божия с задней парты, случалось, вылетала модель геликоптера. Батюшка, человек очень строгий, виновником тишины и порядка считал меня».

Особенно много материалов о воздухоплавании, которые печатались почти из номера в номер, встречается в «Смоленском вестнике» с самого начала 1910 г., когда еще наш реалист продолжал учиться в 5 классе и вопрос о его исключении остро пока не стоял.

В рубрике «Местная хроника» 7 апреля 1910 г. под заголовком «Опыты с планером в Смоленске» была помещена беседа корреспондента с Алексновичем. Помимо познавательного значения, изложенный в ней материал о планере Алексновича имеет самое прямое отношение к реалисту Ивану Соколову и его дальнейшей жизни.

«Как только я ознакомился более подробно с различными системами летательных машин, — сказал нам поручик А-ч, — мною овладело сильное желание самому испытать ощущения воздухоплавателя. Конечно, для этого был в моем распоряжении только один способ: сделать собственноручно простейшую летательную машину — планер. Я остановился на системе проф. Делонэ и приступил к работе. (Не исключено, что в затею своего учителя были посвящены некоторые реалисты и среди них Иван Соколов — М. Л.).

После долгих трудов и усилий моя летательная машина была готова. Она представляет собою два крыла (каждое с двумя плоскостями внизу и вверху) и крестообразный хвост сзади; посредине аппарата перекладины, по которым я, пропустив их подмышки, могу свободно передвигаться во время полета, изменяя таким образом центр тяжести, что является главной заботой всякого

авиатора и достигается путем долгих упражнений. К сожалению, в моем аппарате не имелось мотора, который мог бы дать ему начальное движение. Я решил заменить его силой человека и взял нижних чинов, которые быстро тянули аппарат против ветра на веревках. Сначала я повесил посередине планера мертвый груз в 3 1/2 пуда и, по правде сказать, не имел ни малейшей надежды на успех, но когда планер свободно поднялся и, привязанный за веревку, которую держали солдаты, стал парить в воздухе, я увидел, что мои опыты могут быть удачными.

Тогда я решился и сам лететь: первый раз во дворе артиллерийских казарм (большая территория, которая располагалась в треугольнике улиц Тенишевой, Урицкого, Гагарина – М. Л.) я поднялся аршина на два от земли, а во второй раз производил опыт за Молоховскими воротами (теперь площадь Смирнова – М. Л.) и поднимался на высоту 7 аршин и более. К сожалению, я еще не был достаточно опытен в перемещении центра тяжести собственного тела, и порыв ветра увлек меня в сторону. Планер упал правым крылом на землю и оказался сильно поврежденным: сейчас у меня только левое крыло и хвост. Думаю в свободное время заняться исправлением планера. Вот и все мои пока весьма примитивные опыты, – закончил поручик.

Мысль осуществить подобное, построить собственный планер, испытав его в воздухе, не оставляла и юного реалиста. Ведь преподаватель не переставал увлекать своих воспитанников постоянными беседами об авиации, демонстрируя к тому же полеты.

Но доучиться Ивану Соколову не пришлось. О его неожиданном исключении из реального училища было известно давно. Однако документального подтверждения этому и точной даты не находилось. Только в 1982 г., когда встал вопрос об установлении на здании бывшего училища мемориальной доски в честь 90-летия со дня рождения Соколова-Микитова, из Смоленского отделения Союза писателей в облгосархив позвонил поэт Л. Козырь, который был тогда ответственным секретарем. И мне удалось разыскать среди документов Смоленского губернского жандармского управления дело, замысловато озаглавленное писарем царской охранки «По наблюдательной части в переписке об обыске студента Цитовича, Павла Ивановича Волкова, Михаила Матвеева и реалиста Ивана Сергеевича Соколова» (Государственный архив Смоленской области, ф. 1289).

Студент Цитович подозревался давно. За ним и лицами, входящими в круг его общения, велось тщательное наблюдение. Всем

им жандармы в своем досье дали специальные клички. Цитович, например, назывался «Запольным» по месту жительства (ныне ул. Твардовского – М. Л.). Там же проживал и будущий писатель, который рассказал в своих воспоминаниях, приведенных выше, о доносе.

О его проживании видно из указаний ротмистра жандармского управления от 11 мая 1910 г. с пометкой «Срочно. Совершенно секретно» приставу 2-й части по г. Смоленску. «Прошу с получением сего произвести самый тщательный обыск в порядке Положения о государственной охране у проживающего по Запольной улице в д. Савицкой у реалиста Ивана Соколова (в квартире Цитовича), поступив с обыскуемым по результатам обыска. Все компрометирующее, не исключая и переписки, с протоколом обыска препроводить мне».

Подозреваемый реалист, от природы высокий и ладный, имел у жандармов кличку «Стройный».

Шестнадцатого мая 1910 г. начальник губернского жандармского управления полковник Н. Г. Иваненко в письме с грифом «Секретно» сообщил Смоленскому губернатору Н. И. Суковкину, что в ночь с 11 на 12 мая произведен обыск у подозреваемой группы, среди которой значится «реалист Иван Сергеев Соколов».

Либеральный «Смоленский вестник» тут же откликнулся на деяния охранки. 13 мая 1910 г. в рубрике «Местная хроника» там помещена под заголовком «Обыски» небольшая информация. «В ночь на вчерашнее число жандармской полицией было произведено три обыска – на Большой Дворянской ул. в д. Павловича, по 1 линии Солдатской слободы в д. Андреева и в Офицерской слободе в д. Савицкой. Во всех трех случаях, как нам передают, ничего компрометирующего не найдено. Никто не арестован».

Что касается Ивана Соколова, то для него эта акция так просто не закончилась. В особом письме под тем же интригующим грифом «Секретно» полковник Н. Г. Иваненко уведомил 18 мая директора Смоленского Александровского реального училища К. С. Реху: «11 мая у ученика вверенного Вам училища Ивана Сергеева Соколова был произведен в порядке Положения о государственной охране обыск, при котором ничего предосудительного не найдено. Основанием к обыску послужили данные (полковник Иваненко имел в виду упомянутый писателем донос – М. Л.) о сношениях его, Соколова, с лицами политически неблагонадежными».

Однако наставники реалиста, которым он порядком надоел, успели от него избавиться, не дожидаясь жандармского послания.

На следующий день директор училища поспешил ответить полковнику Иваненко: «Имею честь уведомить Ваше высокоблагородие, что ученик 5 кл. Соколов Иван постановлением педагогического совета от 13 сего мая уволен из училища за плохие успехи и поведение».

Исключение Ивана из училища сильно огорчило любящих родителей. Теперь, когда он вернулся к ним в деревню, вместе стали обдумывать планы дальнейшего продолжения учебы. На этот раз были выбраны Высшие сельскохозяйственные курсы в Петербурге.

Трудно сказать, было ли у юноши стремление к хозяйственной деятельности на земле. И хотя он страстно любил бесконечную тишину родных просторов, манящую сказку природы, змеящееся марево светлого пара над оживающими с теплом полями, звонкую страсть охоты, к труду крестьянскому, по собственному позднему признанию, его не влекло.

Во всяком случае, жизнь в Петербурге соблазняла заманчивой новизной. Там, казалось, легче могли бы осуществиться тайно теплившиеся мечты, созревавшие еще в Смоленске. О их постоянном вкрадчивом шепоте он не поведал никому. И вот на исходе мучительной весны, в начале щедрого деревенского лета одну из них Иван решил претворить в жизнь.

Задумка построить планер в последнее время не покидала. Особенно после пробных полетов Александра, когда подобное захотелось осуществить самому. Это был смелый и дерзкий поступок. Вместе с тем он должен прозвучать как мстительный вызов его городским недругам, которые так безжалостно расправились с ним.

Время поглощает обиды. Хотя нетрудно догадаться, что творилось тогда в доброй, но страждущей душе бывшего реалиста. Поэтому в воспоминаниях почти полувековой давности много проптерто и слажено. Там осталось самое важное. Обратимся снова к беседе писателя с Ал. Лессом.

«Я запомнил книжки о воздухоплавании, которые мне подарил Александрович перед самым моим отъездом в деревню. Я твердо решил построить планер и подняться на нем в воздух.

Занятый постройкой планера, я почти не спал. Днем и ночью я думал только о планере. Полетит ли он? Мною овладело почти невыразимое чувство трепетного волнения, когда оживали маленькие сухие чертежи, воплощаясь в большую машину.

Наконец планер был готов, местность в нашей деревне (Кислово — М. Л.) для полетов на планере неподходящая. Поэтому я

пользовался помощью моих приятелей, деревенских ребят, которые с ожесточением тащили против ветра планер за возводные веерки. Планер, который я держал на своих плечах на двух полотенцах, взлетал вместе со мною, как воздушный змей. Полеты тогда были редкостью, и в газете «Русское слово», помню, появилась корреспонденция о молодом смоленском планеристе, поднявшемся в воздух на собственноручно построенном им планере.

Но несчастье уже подстерегало меня. Конец моих полетов на планере, да и самого планера, построенного мною, был печальный. Я оставил планер на ночь в деревенском овине. Однажды, придав в овин, я чуть не заплакал от горечи: белый коленкор, которым были обтянуты крылья, был содран. Несомненно этот коленкор сорвали деревенские девки для своих праздничных рубах».

Что же касается публикации в «Русском слове», то информацию газета могла получить из заметки в «Смоленском вестнике» за 29 августа 1910 г., которую мне удалось разыскать. Там сказано: «Кислово. Дорогобужский уезд. Полеты на планере. На днях у нас делал полеты на планере бывший смоленский реалист И. С. Соколов. Построенный им планер принадлежит к типу „бипланов“».

Чем же он занимался в деревне кроме планера?

«По окончательном изгнании из училища лето я провел в деревне. Много и жадно читал. С книгами под головой, накрывшись стареньkim армяком, насквозь пропахшим лошадиным потом, спал под открытым небом в саду. Летние ночи были чудесны. Чудесны были и ранние пробуждения под гул пчел, пролетавших над моей головой».

Прекрасная память писателя оставила нам более подробное описание его пристрастия к чтению. В 1972 г. журнал «Книжная торговля» опубликовал очерк Соколова-Микитова «Книга в моей жизни», где конкретно говорится об интересующем нас времени и увлечениях реалиста. «Учась в реальном училище в Смоленске, я брал книги из школьной библиотеки. Детские книжки и журналы, в которых печатались слашивые рассказы, мало меня интересовали. Любимыми были книги о путешествиях. Я зачитывался Купером, Майн Ридом, Жюлем Верном и Хатгардом. Книги о путешественниках и путешествиях особенно меня волновали. Я мечтал побывать в далекой Индии, плавать на красивых парусных кораблях, открывать Америку, защищать индейцев. Детские эти мечты впоследствии претворились в жизнь: я стал моряком, плавал по морям и океанам.

В более позднем возрасте я продолжал жадно читать и часто посещал смоленскую городскую библиотеку, где меня заметила женщина, выдававшая книги. Она удивлялась тому, что я отбираю серьезные книги, содержание которых она считала для меня недоступным. Я начинал читать философов, имена которых тогда были известны. Сознаюсь откровенно, не все было понятно мне в этих философских книгах, но я продолжал настойчиво читать.

По приезде в Петербург (реальное училище мне не удалось закончить) я часто ходил в читальный зал большой библиотеки, носящей ныне имя Салтыкова-Щедрина. Особенно любимыми мною стали в то время книги Н. В. Гоголя. Меня удивлял язык Гоголя, музыкальный ритм его прозы, народная верная речь».

Итак, Петербург! Снова обратимся к воспоминаниям, а затем прочитаем строки документа, которые писателю не были известны.

«Прожив целый год в деревне, незадолго до смерти Льва Толстого, глубоко потрясшей русскую молодежь, я оказался в Петербурге. С этого момента начался сложный период самостоятельной жизни. Я поступил на сельскохозяйственные курсы (ныне Ленинградский сельскохозяйственный институт), не чувствуя, впрочем, большого влечения к сельскому хозяйству, как и вообще никогда не испытывал влечения к оседлости, собственности и домоседству. О курсах вычитал объявление в газете. На частные курсы принимали без аттестатов и без свидетельства о политической благонадежности».

В цитируемом выше жандармском досье сохранились документы, говорящие о том, что тайная слежка за «Стройным» после его исключения из реального училища не прекращалась. Невидимый хвост охранки продолжал висеть.

Обнаруженные жандармские документы позволяют нам узнать несколько новых фактов, которые не отражены биографами Соколова-Микитова, а также им самим. Говоря о «хвосте», я имел в виду недатированный «Список обвиняемых по делу об исследовании политической благонадежности студента Моск[овского] университета Александра Федорова Цитовича и др.». Среди других, как мы знаем, значился и «Соколов Иван Сергеев пот[омствен-ный] поч[етный] гражданин 18 л[ет]».

Список этот в деле подшиpt между «Постановлением» полковника Иваненко о пересылке материалов на четырех подозреваемых Смоленскому губернатору Н. И. Суковкину и уведомлением этих лиц об окончании «переписки», т. е. официальном гласном

прекращении дела, датой 16 октября 1910 г. Вместе с тем против их фамилий в этом списке, объединенных фигурной скобкой, стоит: «Негласное наблюдение».

Кроме того, из документов видно, что Цитович подозревался в намерении «издавать газету революционного содержания в Смоленске». И вряд ли живший с ним в одной квартире, близко общающийся Иван Соколов не знал или не догадывался об этом.

Интересны для нас все под тем же грифом «Лит[ер] Б. Секретно» подробные «Сведения Р. о лице, привлеченном к переписке в качестве обвиняемого по делу об исследовании политической благонадежности студента Московского университета Александра Федорова Цитовича и других». В этих сведениях, составленных на Ивана Соколова, многое уже известно нам по биографии писателя. Из 29 пунктов обстоятельного описания, составленного 29 июля 1910 г., некоторые дают дополнительные и точные сведения о последних днях пребывания Ивана Соколова в Смоленске, а помимо этого мы получаем интересную информацию о его отце.

Пункт 6. «Происхождение. Сын потомственного почетного гражданина». Пункт 10. «Место постоянного жительства. В имени Кислово Дорогобужского уезда Смоленской губернии». Пункт 12. «Занятия. Хлебопашество и домашние работы». Пункт 13. «Средства к жизни. Личный заработка». Пункт 17. «Экономическое положение родителей. Землевладелец». Пункт 22. «Основания привлечения к настоящему дознанию. Агентурная записка, указывающая на связь Соколова с привлеченным студентом Цитовичем». Пункт 23. «Время привлечения к дознанию. 26 мая 1910 года». Пункт 26. Время первого допроса 9 июля 1910 года». Вот когда его только допрашивали. Не совсем ясно: продолжал ли Иван жить в Смоленске или его вызывали на допрос из Кислова.

В дополнение к этим сведениям приложена справка от 2 августа 1910 г. за № 361, подписанная ротмистром (подпись неразборчива), направленная начальнику губернского жандармского управления. «О допросе Ивана Соколова мною 12 июня с. г. № 266 было послано отдельное требование ротмистру барону Тизенгаузену с просьбой препроводить и регистрационную карточку, но Вам лично мне было приказано допрос поручить полиции, что и было исполнено, а фотографирование, антропометрическое измерение и дактилоскопические оттиски не производить ввиду предполагаемого прекращения переписки. Прошу указаний. Приложение: Лит[ер] Б. на Ивана Сергеева Соколова».

Поражаешься тому, как педантично вели жандармы начатое дело. Юный Иван Соколов еще долго оставался в длинной тени их подозрений.

Прочитируем в связи с этим еще несколько документов: 25 октября 1910 г. за № 6618 полковник Иваненко направил короткое письмо приставу 1-го стана Дорогобужского уезда. «Объявите под расписку на сем же проживающему у отца в имении «Кислое» (Ошибка в названии села. Правильно – Кислово – М. Л.) бывшему реалисту Ивану Сергеевичу Соколову, что переписка, к коей он был привлечен при вверенном мне управлении, прекращена. Расписку препроводить мне. Полковник Иваненко».

Пристав тут же сделал запрос, на который урядник В. Максименко ответил справкой: «Упомянутый в сем Иван Сергеев Соколов в настоящее время проживает в г. С.-Петербург, Котельный остров, набережная Большой Невки. Высшие Сельскохозяйственные курсы».

Получив ответ пристава, полковник Иваненко не останавливается. Последние документы дела – его переписка до конца 1910 г. с петербургской полицией, где он просит уточнить место проживания Ивана Соколова, который негласно оставался под кличкой «Стройный».

ШИШКОВ И СМОЛЯНЕ

Изучая долгие годы связи видных писателей со Смоленщиной, их пребывание в здешних местах, я пришел к выводу, что привязанность эта носила не случайный характер. Так можно сказать с полной уверенностью о Н. В. Шелгунове, М. К. Цебриковой, О. Д. Форш, М. М. Пришвине, М. М. Зощенко и некоторых других.

Относительно В. Я. Шишкова было известно, что он однажды приезжал в Смоленск на несколько дней весной 1924 г., о чем имеются публикации в губернских газетах того времени. Кстати, в них причина приезда не указана. Сам писатель опубликовал затем на страницах «Правды» известные «Смоленские письма», имевшие определенный резонанс.

Прочитав заново эти художественные зарисовки в старых подшивках, я пришел к выводу, что краткое пребывание в Смоленске даже такого талантливого человека, каким был Шишков, с его быстрым и цепким взглядом художника, не могло сразу насытить столь обширной и глубокой информацией. Ярко, образно и содержательно показаны автором Смоленск, а также некоторые эпизоды из глубинки. Подчас остро, без прикрас представлена тогдашняя нелегкая и темная жизнь людей, едва пробудившихся в ослепляющем свете революции и зыбком опыте нэпа, чтобы встретить завтраший более трагичный день.

Здоровая, оптимистичная тональность очерков с присущим Шишкову всегдашим юморком, казалось, не допускала скрытой где-то в подсознании автора неуверенности по отношению к действиям новой власти. Но ощущение этого присутствует. Многим представителям русской интеллигенции с уже устоявшимся мировоззрением, но ставшим на сторону революционных преобразований, хотелось верить в их успех. И поэтому необходимо переосмыслить внушительное по сочности красок полотно очерков. Тогда начался поиск.

Оказалось, что ответ, освещавший многие вопросы, лежал на поверхности. Более того, представилась возможность узнать еще многое, и главное – о смолянах, с которыми долгие годы Шишков был в приятельских отношениях.

Из биографии автора «Угрюм-реки» и «Емельяна Пугачева» известно, что в начале творческого пути он жил и работал в Сибири, совершил там и по Алтайскому краю экспедиции. Они и дали обильный материал для его ранних и последующих произведений.